

ИСТОРИИ, ЛЕДЕНЯЩИЕ КРОВЬ

Читайте в серии:

ДИЛОГИЯ:

АННА
В КРОВАВО-АЛОМ

ДЕВУШКА
ИЗ КОШМАРОВ

КЕНДАРИ БЛЕЙК

АННА
В КРОВАВО-
АЛОМ

Москва 2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б68

Kendare Blake
ANNA DRESSED IN BLOOD

Text Copyright © 2011 by Kendare Blake
Published by arrangement
with Tom Doherty Associates, LLC.
All rights reserved.

При оформлении обложки использована работа
художника *Евы Елфимовой*

Блейк, Кендари.

Б68 Анна в кроваво-алом / Кендари Блейк ; [пер.
с англ. А. А. Кузнецовой]. — Москва : Эксмо,
2017. — 384 с. — (Young adult. Истории, леденя-
щие кровь).

ISBN 978-5-699-93366-2

«Она убийца, — говорю я себе. — Такая же, как они все». И сам в это не верю. Анна заморожила меня. Длинные черные волосы, словно плывущие по воде, бледная, очень светлая кожа, бездонные глаза... и платье, которое когда-то, говорят, было белым. Теперь с него капает алая кровь. Что сделало ее такой? В чем источник ее необычной силы? Я должен выяснить историю этой девушки... а потом уничтожить ее. Ведь Анна — призрак и не оставляет в живых никого из тех, кто переступает порог ее старого дома. А я тот, кто убивает опасных призраков.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Кузнецова А.А., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-93366-2

Глава 1

Грязная сальная голова выдает его с головой, пардон за каламбур.

Равно как и мешковатый потертый кожаный плащ, не говоря уже про бакенбарды. И эта манера кивать и щелкать зажигалкой в такт звучащему у него в голове ритму. Он словно из кордебалета «Ракет» и «Акул»¹.

Опять-таки: у меня глаз на такие вещи. Я знаю, на что смотреть, ибо повидал едва ли не все разновидности призраков и привидений, какие только можно себе представить.

Автостопщик водится на отрезке извилистой дороги в Северной Каролине, где кругом одни некрашенные щелястые заборы и бескрайнее ничто. Ничего не подозревающие водители, види-

¹ «Ракеты» и «Акулы» — две противоборствующие банды в знаменитом мюзикле «Вестсайдская история». (Здесь и далее примеч. перев.)

мо, подбирали его со скуки, полагая, что это просто начитавшийся Керуака¹ студентик.

— Девушка у меня, ждет, — говорит он теперь возбужденно, словно увидит ее сразу, стоит нам подняться на вершину следующего холма.

Он дважды сильно тюкает зажигалкой по приборному щитку, и я бросаю туда взгляд, опасаясь, как бы на панели не осталось вмятин.

Машина-то не моя. И я восемь недель горбатился в саду у мистера Дина, отставного армейского полковника, дальше по кварталу, чтобы просто взять ее покататься. Для семидесятилетнего старика у полковника невероятно прямая спина, никогда такой не видел. Будь у меня побольше времени, все лето слушал бы его захватывающие рассказы про Вьетнам. Вместо этого я прореживал кусты и вспахивал клумбу восемь на десять под новые розы, а он угрюмо следил за мной, дабы убедиться, что его малышка не пострадает, попав в лапы этому семнадцатилетнему сопляку в старой футболке с Роллингами² и маминых садовых перчатках.

Сказать по правде, я чувствовал себя несколько виновато, зная, для чего собираюсь использовать машину. Дымчато-синяя «Камаро ралли

¹ Джек Керуак (1922 — 1969) — американский писатель, идеолог бит-поколения. Самые знаменитые его романы — «В дороге» и «Бродяги Дхармы». Их герои, как и он сам, искали бога и смысл жизни, путешествуя.

² Знаменитая панк-рок-группа «Роллинг стоунз».

спорт» 1969 года в состоянии «муха не сидела». Ход просто бархатный, только на поворотах по-рыкивает. Не верилось, что он мне ее даст, хоть я закопайся у него в саду. Но, слава богу, дал, потому что без нее я бы пропал. На такое авто-стопщик просто обязан был клюнуть — ради нее стоило выползти из могилы.

— Должно быть, она очень милая, — говорю я без особого интереса.

— Да, чувак, да, — отзывается он, и, в сотый раз с момента, когда я подобрал его пять миль назад, я удивляюсь, как можно не понять, что он мертв.

Голос у него — как в фильме Джеймса Дина¹. И вдобавок запах. Не то чтобы гнилостный, но отчетливо замшелый и висит вокруг него облаком. Как можно было принять его за живого человека?! Как можно было проехать с ним десять миль до Лоренского моста, где он неизбежно хватался за руль и увлекал машину с водителем в реку?! Скорее всего, от его одежды и голоса людям делалось не по себе, да и от запаха ко-

¹ Джеймс Дин (1931–1955) — американский актер. Своей популярностью он обязан трём кинофильмам — «К востоку от рая», «Бунтарь без причины» и «Гигант», — вышедшим в год его смерти. В этих картинах молодой актер представил сложный образ молодого человека с душевными терзаниями, запинаящейся речью и пробуждающейся чувственностью. Трагическая смерть, легенды и мифы, окутавшие его жизнь, сделали его культовым персонажем. В 1999 году Американский киноинститут поставил актера на 18-е место в списке «100 Величайших звезд».

стей тоже — этот запах узнаешь, даже если никогда его не слышал. Но к тому времени всегда бывало уже слишком поздно. Они приняли решение подобрать автостопщика и не собирались позволять себе испугаться настолько, чтобы передумать. Свои страхи они заглушали доводами разума. А зря.

А стопщик на пассажирском сиденье все рассказывает своим нездешним голосом про свою девушку там, дома, Лиза ее зовут, мол, какие у нее самые золотые волосы и самая красивая улыбка и как они убегут и поженятся, как только он вернется стопом из Флориды. Часть лета он работал там у дяди в автосалоне: лучший способ подкопить денег к свадьбе, даже если из-за этого они не виделись месяцами.

— Тяжко, наверное, так — так долго далеко от дома, — вставляю я, и в тоне моем и правда присутствует нотка жалости. — Но уверен, она тебе обрадуется.

— Да, чувак. О том я и толкую. У меня есть все, что нам нужно, вот прямо тут, в кармане плаща. Мы поженимся и переберемся на побережье. У меня там кореш есть, Робби. Поживем у него, пока я не подыщу работу с машинами.

— Конечно, — поддакиваю я.

Луна и огоньки на приборном щитке освещают печально-оптимистичное лицо моего пассажира. Разумеется, он так и не увидел Робби. И девушку свою Лизу тоже не увидел. Потому что в двух

милях дальше по этой дороге летом 1970 года он сел в машину, вероятно, очень похожую на мою. И сказал тому, кто сидел за рулем, что в кармане плаща у него все, что нужно, чтобы начать совершенно новую жизнь.

Местные говорят, его крепко избили у моста, а потом отволокли за деревья, где пару раз пырнули ножом, а затем перерезали горло. Тело перевалили через парапет и спихнули в один из притоков. Там его и обнаружил фермер почти полгода спустя — обвитого лианами, с удивленно открытым ртом, словно он никак не мог поверить, что застрял здесь.

Он и теперь не знает, что застрял здесь. Похоже, никто из них не знает. В данный момент стопщик насвистывает и подсакивает на сиденье в такт несуществующей музыке. Наверное, он до сих пор слышит то, что играло в ту ночь, когда его убили.

Он очень славный. Идеальный попутчик. Но когда мы доберемся до моста, он сделается таким же злобным и уродливым, как все они. Согласно отчетам, его призрак, неоригинально помеченный как «Графство 12, Стопщик», убил уже минимум дюжину человек и ранил еще восьмерых. Но как-то не получается его винить: он так и не добрался до дома, не увидел свою девушку и теперь не хочет, чтобы и другие попали домой.

Мы миновали дорожный столб с отметкой 23 — до моста меньше двух минут. С тех пор

как мы переехали сюда, я катался по этой дороге почти каждую ночь в надежде увидеть в свете моих фар его поднятый палец, но мне не везло. Пока я не сел за руль этой «Ралли спорт». До того я пол-лета провел на этом проклятом участке дороги, с тем же чертовым клинком, лежащим под бедром. Ненавижу, когда все вот так, словно на какой-то жутко бесконечной рыбалке. Но я не сдаюсь. В конечном итоге они всегда появляются.

Я позволил ноге слегка отпустить газ.

— Что-то не так, приятель? — спрашивает он.

Качаю головой:

— Просто это не моя машина, и у меня нет денег чинить ее, если ты решишь скovyрнуть меня с моста.

Стопщик смеется, лишь чуть громче обычного:

— Похоже, ты нынче бухал или чего еще, парень. Может, тебе стоит просто высадить меня здесь?

Слишком поздно я соображаю, что не следовало так говорить. Я не могу его выпустить. Еще повезет, если он просто выйдет и исчезнет. Надо убить его, пока машина движется, или придется начинать все сначала, а я сомневаюсь, что мистер Дин с охотой отпустит свою машинку еще на несколько вечеров. Кроме того, через три дня мы уезжаем в Тандер-Бей.

Вдобавок царапает мысль, что я снова проделаю с беднягой то же самое. Но она мимолетна. Он уже мертв.

Стараюсь удерживать спидометр выше пятидесяти — слишком быстро, чтобы он всерьез подумывал выпрыгнуть, но с привидениями никогда не знаешь наверняка. Придется работать быстро.

И как раз когда я опускаю руку, чтобы вытащить из-под себя клинок, в поле зрения возникает освещенный луной силуэт моста. словно по команде автостопщик хватается за руль и выворачивает его влево. Рву руль обратно и вдавливаю педаль тормоза в пол. слышу яростный визг резины по асфальту и краем глаза замечаю, что лицо у пассажира пропало. Прощай, покладистый парнишка, прилизанные волосы и открытая улыбка. Остались просто маска из сгнившей кожи, пустые черные дыры на месте глаз да похожие на тусклые камни зубы. Кажется, будто он улыбается, но это просто оттого, что губы облезают.

Машина рыскает, пытаюсь остановиться, но что-то у меня жизнь перед глазами не проносится. Да и что бы я увидел? Хоровод самых памятных из убитых призраков? Вместо этого я вижу серию быстрых упорядоченных снимков собственного мертвого тела: один с пробитой рулем грудной клеткой, другой без головы, а остальное свешивается из выбитого окна.

Откуда ни возьмись выпрыгивает дерево, целясь прямо в водительскую дверь. Даже выругаться некогда — только дернуть руль и втопить газ. Дерево остается позади. Чего я не хочу,

так это въезжать на мост. Машина выписывает восьмерки, а он-то прямой. Узкий, деревянный и старый.

— Мертвым быть не так уж плохо, — делится автостопщик, вцепившись мне в руку в попытке оторвать меня от руля.

— А как насчет запаха? — шиплю я.

Во всей этой кутерьме я по-прежнему сжимаю рукоять ножа. Не спрашивайте почему. Кажется, что еще десять секунд — и кости у меня в запястье разойдутся. С сиденья меня стащили, так что я завис над рычагом переключения передач. Движением бедра перебрасываю машину на нейтраль (раньше надо было это сделать) и быстро выхватываю клинок.

И тут происходит нечто удивительное: лицо автостопщика вновь обрастает кожей, в глаза возвращается зеленый блеск. Это просто парнишка, и он тарашится на мой нож. Я укрощаю автомобиль и жму на тормоза.

Резкая остановка заставляет его моргнуть. Он смотрит на меня.

— Я все лето работал за эти деньги, — негромко говорит он. — Моя девушка убьет меня, если я их потеряю.

Сердце у меня колотится от усилий, затраченных на борьбу за машину. Я не хочу ничего говорить. Хочу просто покончить с этим. Но вместо этого слышу собственный голос:

— Девушка простит тебя. Обещаю.

Нож, отцовский атам¹, легок в моей руке.

— Я не хочу опять, — шепчет автостопщик.

— Это последний раз, — заверяю я и рассекаю ему клинком горло, открывая зияющую черную щель.

Пальцы стопщика подбираются к его шее. Они пытаются соединить края кожи, но из раны вытекает нечто черное и густое, как нефть, и покрывает тело, не только заливая старомодный плащ, но поднимаясь вверх по лицу, глазам, забираясь в волосы. Стопщик не кричит и не корчится — наверное, не может: горло у него перерезано, и жидкость уже затекла в рот. Меньше чем за минуту он исчезает, не оставив следа.

Я провожу рукой по сиденью — сухо. Затем выхожу из машины и осматриваю ее со всех сторон, насколько это возможно в темноте, на предмет царапин. След от покрышек на асфальте все еще дымится. Прямо слышу, как скрипит зубами мистер Дин. Через три дня я уезжаю из города, а теперь мне придется потратить один из них на установку новых «гудиеров»². Коли на то пошло, наверное, не стоит отдавать машину, пока не заменю покрышки.

¹ Атам — ритуальный нож, используемый в магических практиках различного толка.

² Goodyear — марка автомобильных шин.

Глава 2

Уже за полночь паркую «Ралли спорт» у нас на подъездной дорожке. Мистер Дин наверняка еще не спит, поджарый, залитый под завязку черным кофе, и наблюдает, как я аккуратно проезжаю по улице. Но до завтрашнего утра он машину не ждет. Если встать пораньше, я еще успею отогнать ее в мастерскую и заменить покрышки, он и не почувствует разницы.

Свет фар прорезает двор и расплескивается по фасаду дома. Вижу две зеленые точки: глаза маминого кота. Когда я подхожу к входной двери, его на окне уже нет. Он расскажет хозяйке, что я дома. Кота зовут Тибальт. Он своенравная тварь, и до меня ему особого дела нет. Как и мне до него. Имеется у него странная привычка — выдирать себе шерсть из хвоста, разбрасывая по всему дому черные клочки. Но маме нравится, чтобы в доме был кот. Как и большинство

детей, коты способны видеть и слышать то, что уже умерло. Весьма кстати, если живешь с нами.

Вхожу, разубаюсь и поднимаюсь наверх, пере-скакивая через две ступеньки разом. До смерти хочется в душ — смыть замшелое, гнилостное ощущение с запястья и плеча. И отцовский атам надо проверить и помыть, если на лезвие налипли остатки той черной дряни.

На самом верху спотыкаюсь о коробку. «Блин!» выходит слишком громко. Думать надо было. Всю жизнь живу в лабиринте упакованных коробок. Мы с мамой профессиональные упаковщицы. Нам ни к чему выпрашивать ненужные картонки в бакалее или винном магазине. У нас высококласные, промышленного типа укрепленные коробки с постоянными этикетками. Даже в темноте я вижу, что споткнулся о «кухонную утварь (2)».

На цыпочках прокрадываюсь в ванную и вытаскиваю из кожаного рюкзака нож. Прикончив автостопщика, я обернул лезвие черным бархатом, но не очень аккуратно. Торопился. Не хотелось больше оставаться на дороге, да еще рядом с мостом. Зрелище распадающегося автостопщика не напугало меня, я и похуже видал. Но привыкнуть к такому не получается.

— Кас?

Смотрю в зеркало и вижу сонное мамино отражение, на руках у нее черный кот. Кладу атам на полку.